

Яков Герасимович РОХЛИН (1905—1997) смело может быть назван легендарным шахматистом. Я познакомился с ним, когда его активные выступления в очных соревнованиях остались позади, а его организационная деятельность была в расцвете. Это было уже после войны, когда Яков Герасимович стал москвичом. Он родился в Петербурге (в «Словаре шахматиста», изданном в 1929 году, дата рождения почему-то — 1903 г., хотя там же не указан год выпуска этого самого словаря. Возможно, ошибка. Однако среди составителей значится имя Я.Г. Рохлина). Так или иначе, но, будучи молодым человеком в двадцатые годы в Ленинграде,

Яков Герасимович развил бурную организаторскую деятельность. Открывал шахматные клубы, шахматную кафедру в Институте физкультуры, студенческие соревнования и так далее, и еще опекал молодого подающего надежды Михаила Ботвинника. Ходила легенда, что когда у Ботвинника возникли трудности при поступлении в вуз, так как он досрочно окончил среднюю школы и, к тому же происходил не из рабочего класса, Яков Герасимович выдвинул администрации неожиданный аргумент: Ботвинник — сын врача-рабочего. Что это за штука, понять было нелегко, но Яков Герасимович, не смущаясь, убеждал, что, дескать, это врач, который лечит рабочих. Такая аргументация, с позволения сказать, была воспринята благосклонно.

Вообще Яков Герасимович, добиваясь организационных целей, за словом в карман не лез. Мой товарищ Яша Эстрин так описывал «дебют Рохлина», когда тому необходима была подпись начальника. Яков Герасимович коротко, но ярко обозначал проблему, а потом приятным голосом спрашивал: «Вы ж понимаете?» Начальнику неудобно было признаться, что он недопонимает, и он кивал головой. Тогда Яков Герасимович выкладывал на стол подготовленный документ, сопровождая фразой: «Тогда подпишите, пожалуйста!» Надо отметить, что писать всякого рода документы, докладные, телеграммы и т.д. Яков Герасимович умел мастерски. В его долголетней трудовой биографии были чиновничьи периоды — работа начальником отдела шахмат Российской Федерации и Союза, а также помощником председателя Спорткомитета Российской Федерации.

Сначала спортивные результаты Рохлина-шахматиста были вполне успешными. Он дважды играл в чемпионатах СССР, сыграл вничью матч с Ильиным-Женевским (1925 г.), выиграл квалификационный матч у мастера А. Моделя (1929 г.).

Яков Герасимович был одним из пострадавших от «мудрости» наших строителей квалификационной системы, полагавших, что звания можно не только присваивать, но и отбирать. И довольно много лет ушло у Рохлина на то, чтобы вернуть свое звание. Его неутомимая деятельность в разных областях шахмат принесла ряд званий — заслуженный тренер СССР, международный мастер игры по переписке, международный арбитр. Он защитил кандидатскую диссертацию по шахматной теме, стал доцентом. К тому же был автором многих книг, статей, переведенных на разные языки. Кстати, Яков Герасимович владел немецким.

Двенадцать лет Яков Герасимович проработал гостренером (начальником шахматного отдела) Спорткомитета России. Начав на пустом месте, организовал в 1947 году представительный международный турнир памяти Чигорина. Создал целую систему соревнований российских шахматистов — очные, заочные по почте и по телеграфу, а также регулярные выезды мастеров и гроссмейстеров, живущих в крупных городах, на периферию для сеансов, лекций, проведения занятий, участия в соревнованиях вне конкурса. Рохлин «изобрел» первый Всероссийский шахматный турнир колхозников. Потом уже проводились и всесоюзные соревнования для сельских шахматистов. Он организовал сверхдальний по тем временам матч Ленинград — Владивосток по радио (1947 г.). Кажется, это соревнование было интересно связистам потому, что можно было испытать устойчивость продолжительной радиосвязи, ведь в играющейся партии сразу заметны пробелы. А шахматистам этот матч был полезен хотя бы потому, что владивостокцы, сыгравшие с ленинградцами вничью, были поощрены своим руководством — получили помещение для шахматного клуба.

Яков Герасимович обладал неиссякаемым запасом энергии и недюжинными способностями. Быть может, в других областях он бы достиг выдающихся высот. Его брат был видным ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР (Тогда академии можно было по пальцам пересчитать. Ныне, слава Богу, «академии» размножились, как кролики). Однако он был безгранично предан именно шахматам, хотя его интересы простирались широко — от балета до литературы.

Правильно сказано о нем в энциклопедии «Шахматы»: «... сов. шахматист и деятель сов. шахм. движения».

* * *

Как-то я видел заграничный фильм под названием «Мы вундеркинды». Авторы фильма довольно убедительно доказывали, что мы, люди необычайного двадцатого века, вундеркинды. Выжить в этом веке — настоящее чудо. И среди шахматистов было немало вундеркиндов самой высокой пробы. К примеру, один из мальчуганов, занимавшихся в московском Доме пионеров, в первые месяцы Отечественной войны был лейтенантом, его часть разгромили и он, как многие сотни тысяч, попал в плен. По националь-

ности — немец он оказался в немецкой армии, в африканском корпусе генерала Роммеля. В конце концов англичане этот корпус окружили и разгромили, и этот малый оказался в плену у англичан. Его переправили в Южную Америку, в Британскую Гвиану. Там джунгли и прочие страсти-мордасти, но московский пионер исхитрился из английского лагеря военнопленных сбежать в сопредельную страну, кончил воевать и попадать в плен и вскоре женился на плантаторской дочке. Выходит, что стал плантатором. Так говорили о его судьбе бывшие товарищи. Жаль, что неизвестно, играли ли какую-либо роль в его приключениях шахматы.